
ПЕТР ТУРЧИН

КОНЕЦ ВРЕМЕН

ЭЛИТЫ, КОНТРЭЛИТЫ
И ПУТЬ ПОЛИТИЧЕСКОГО РАСПАДА

МИРОВОЙ ПОРЯДОК

Петр Валентинович Турчин Конец времен. Элиты, контрэлиты и путь политического распада Серия «Мировой порядок»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70295656

Конец времен / Петр Турчин ; [перевод с английского В. Желнинова].:

АСТ; Москва; 2024

ISBN 978-5-17-156776-7

Аннотация

Петр Валентинович Турчин (род. 1957 г.) – специалист в области популяционной динамики и математического моделирования исторической динамики. Руководил несколькими крупными экологическими проектами. Внес особо важный вклад в разработку математических моделей «вековых» социально-демографических циклов. Именно П.В. Турчиным было впервые предложено понятие «клиодинамика».

В своей книге «Конец времен» Петр Турчин предупреждает общество о некоторых ключевых социальных и политических тенденциях, предвещающих десятилетие гражданских беспорядков и раздоров, войн и бедности.

Фундаментальные проблемы нынешних социальных недугов имеют три источника: «перепроизводство элит», снижение уровня жизни населения в целом и неспособность правительств справиться со своими обязательствами.

Именно эти причины ведут современное общество к закономерному для него «концу времен», вслед за которым всегда приходят новые циклы политической интеграции и дезинтеграции.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Предисловие к российскому изданию	6
Предисловие	8
Часть I	18
Глава 1	18
Кто такие элиты? Источники социальной власти	18
Игра в стулья на повышение	23
Обнищание масс	30
Трамп: маловероятный президент	33
Линкольн: еще один маловероятный президент	37
Хун: маловероятный император	46
Дорога к кризису	53
Глава 2	55
Дорожная карта	55
Кризис во Франции эпохи позднего Средневековья	58
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Петр Турчин

Конец времен. Элиты,

контрэлиты и путь

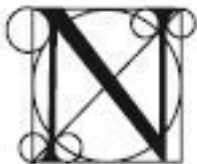
политического распада

Мировой порядок

Peter Turchin
END TIMES

Перевод с английского *В. Желнинова*

Печатается при содействии литературного агентства The Wylie Agency Ltd.

© Peter Turchin, 2023

© Издание на русском языке AST Publishers, 2024

Предисловие к русскому изданию

Всякий автор с удовлетворением и радостью воспринимает известие, что его книга будет переведена на другой язык. Но издание моей книги на русском языке – особый случай. Ведь я вырос в СССР, и русский язык, история и культура занимают особое место в моем сердце. Кроме того, я думаю, что русским читателям моя книга будет особенно интересна. Основной вопрос, на который она пытается ответить, – это почему государства, рано или поздно, но до сего времени всегда, испытывают «конец времен». Люди моего поколения (а родился я в 1957 г.) на себе испытали такой конец времен, кризис и распад Советского Союза. Я эмигрировал из СССР в 1977 г., когда всем (включая меня) казалось, что эта империя устойчива и нерушима. Но, как мы теперь знаем, процессы, которые ее разрушили через четырнадцать лет, уже шли полным ходом.

В начале 2000-х годов, когда я уже сложился как исследователь сложных систем и, в частности, изучал, почему сложные человеческие общества периодически разрушаются, я решил применить результаты исследований государств прошлого к обществу, в котором жил, – США. Для меня стало шоком, что анализ ключевых переменных (о которых вы

прочтете в моей книге) указал, что маховик дезинтеграционных процессов уже раскрутился на полную мощность. Так получилось, что я видел распад СССР со стороны, а кризис США – изнутри.

Теория, объясняющая «конец времен», относится к любым сложным обществам, организованным как государства. Но теория без конкретных примеров суха и абстрактна. Русским читателям будет интересно знать, что в книге я уделяю большое внимание истории России. Как, впрочем, и другим странам (Китай, Египет, Европа). Конечно, наибольший вес конкретной истории поставляет США, страна, которую я знаю изнутри. Но это будет интересно не только американцам, но и жителям всего мира. Ведь США (пока) все еще самая могущественная держава, и процессы, определяющие внутреннюю стабильность Американской империи, оказывают гигантское влияние на динамику остальных государств в мире. Это особенно существенно для России, которая находится в состоянии прокси-войны с НАТО.

Последняя мысль, с которой мне хотелось бы завершить это предисловие, относится к заголовку книги. «Конец времен» звучит пессимистично и даже апокалиптически. Но когда «времена» заканчиваются, наступают новые времена. Об этом я тоже пишу в книге. И как мы переживем этот переходный период, зависит в большой степени от нас.

Петр Турчин

Предисловие

История – это не «просто одно треклятое событие за другим»¹, как однажды язвительно заметил британский историк Арнольд Тойнби в ответ на критику. Довольно долго эти слова Тойнби отражали мнение меньшинства. Историки и философы, в том числе знаменитости вроде Карла Поппера, яростно настаивали на том, что историческая наука невозможна. Наши общества слишком сложны, люди слишком непостоянны, научный прогресс невозможно предсказать, а культура чересчур изменчива в пространстве и времени. Косово принципиально отличается от Вьетнама, а довоенную Америку никак нельзя сравнивать с Америкой 2020-х годов. Так гласило – и гласит по сей день – мнение большинства. Надеюсь, что моя книга убедит читателя в ошибочности этого взгляда. Историческая наука не только возможна, но и полезна: она помогает предугадывать последствия коллективного выбора в настоящем и прокладывает дорогу к лучшему будущему.

Свою академическую карьеру я начинал в 1980-х годах как эколог, зарабатывал на жизнь изучением динамики популяций жуков, бабочек, мышей и оленей. В ту пору экология животного мира революционизировалась благодаря стремительному увеличению вычислительной мощности

компьютеров. У меня никогда не было аллергии на математику, поэтому я без труда принял этот поворот к «усложненной» науке, которая сочетает компьютерное моделирование с аналитикой больших данных в поисках ответа на такие вопросы, как, например, почему многие популяции животных сталкиваются с циклами подъема и спада. Однако к концу 1990-х у меня сложилось ощущение, что ответ на большинство наиболее интересных вопросов в этой области уже получен. Испытывая легкий трепет, я начал задумываться о том, что аналогичный подход с точки зрения сложных систем можно применить и к изучению человеческих обществ – как былых, так и современных. Четверть века спустя мы с моими коллегами создали новое и популярное направление исследований – клиодинамику (по имени Клио, древнегреческой музы истории; динамика же, как известно, наука об изменениях). Мы установили, что существуют важные, регулярно повторяющиеся закономерности, которые можно наблюдать на протяжении человеческой истории за последние десять тысяч лет. Примечательно, что при обилии различий сложные человеческие общества в своей основе и на некотором абстрактном уровне организованы в соответствии с одними и теми же общими принципами. Для скептиков и просто любопытных я привожу более подробное общее описание клиодинамики в приложении в конце этой книги.

С самого начала мы с моими коллегами по этой новой области исследований сосредоточились на циклах политиче-

ской интеграции и дезинтеграции, особенно на формировании и распаде государств. Здесь результаты наших трудов выглядели, пожалуй, наиболее надежными – и одновременно наиболее тревожными. Количественный исторический анализ показал, что сложные общества повсеместно подвержены повторяющимся и в определенной степени предсказуемым волнам политической нестабильности, а источником этих волн выступает один и тот же базовый набор сил, что действуют на всем протяжении тысячелетий человеческой истории. Несколько лет назад меня как осенило: если допустить, что указанная закономерность сохранится, мы идем навстречу новой буре. В 2010 году научный журнал «Нейчур» попросил специалистов из разных областей знания попробовать заглянуть на десять лет вперед, и я четко изложил свои ощущения – мол, судя по истории США, в начале 2020-х годов нас ожидает новая волна нестабильности. К сожалению, за минувшие годы ничто не сумело опровергнуть предсказания моей модели. Книга, которую вы держите в руках, – моя лучшая попытка объяснить эту модель в доступных, то есть нематематических, терминах. Она опирается на многочисленные важные исследования в самых разных областях; я вовсе не притязаю на радикальную оригинальность. Мне кажется, нас должен воодушевлять тот факт, что человеческие общества и ранее оказывались на том же перекрестке возможных путей; пускай нередко (даже в большинстве случаев) выбор приводил к немалым жертвам и социальным

потрясениям, но иногда он знаменовал собой гораздо более благополучную участь для большинства вовлеченных.

Что же это за модель? Постараюсь объяснить, что называется, на пальцах: когда в государстве – скажем, в США – наблюдаются стагнация или снижение реальной заработной платы (зарплата в долларах с поправкой на инфляцию), растущий разрыв между богатыми и бедными, перепроизводство молодых выпускников с учеными степенями, снижение общественного доверия и рост государственного долга, то эти, казалось бы, не сопоставимые между собой социальные показатели на самом деле динамически связаны друг с другом. В исторической перспективе подобные события воспринимаются как очевидные признаки надвигающейся политической нестабильности. В Соединенных Штатах Америки все перечисленные факторы начали накапливаться с 1970-х годов. Согласно моей модели, на рубеже 2020-х годов можно ожидать совокупного эффекта от соединения этих факторов. Сегодня мы стоим на данном рубеже.

Конечно, мало кто сомневается в том, что Америка пребывает в кризисе, хотя по поводу его причин и следствий имеются разногласия и ведутся жаркие споры. Одни обвиняют во всем расистов, сторонников превосходства белой расы и прочих «негодяев», голосовавших за Трампа. Другие винят антифа, глубинное государство и «либертарианцев». Подлинно параноидальные маргиналы воображают, будто агенты коммунистического Китая проникли в американское пра-

вительство на всех уровнях – или, напротив, усматривают незримую длань Владимира Путина, дергающего за ниточки своей марионетки Трампа. Между тем более глубокие причины раздора остаются за пределами осознания.

Действительно, существуют «скрытые силы», подводящие Америку к грани гражданской войны и побуждающие даже пересечь эту грань. Но дело отнюдь не в заговорах, спланированных теневыми местными группировками или иностранными агентами. Объяснение одновременно и проще, и сложнее: проще потому, что нет нужды громоздить теоретические конструкции, которые «соединяют точки» и приписывают зловещие мотивы тем или иным акторам. В реальности информация, необходимая для понимания нашего затруднительного положения, находится в открытом доступе и не подлежит сомнению.

Большая часть того, что требуется знать, не имеет ничего общего с умыслами злодеев или коррумпированных личностей. Стоит обратиться к публикуемым и доступным большим данным (заработная плата, налоги, валовой внутренний продукт) и к результатам социологических опросов, проводимых государственными учреждениями и такими службами, как фонд Гэллапа. Эти данные используются в статистическом анализе, на них ссылаются социологи, публикуя статьи в академических журналах. Тут-то и кроется причина, по которой объяснение, предлагаемое данной книгой, не только проще, но и сложнее: чтобы во всем разобрать-

ся, придется, не слишком углубляясь в теорию, применять науку о сложности, которая позволяет правильно истолковывать данные.

Эксперты и политики любят вспоминать об «уроках истории». Но беда в том, что исторические записи обильны и каждый эксперт легко отыщет в них примеры, подкрепляющие ту позицию политических дебатов, которую он сам предпочитает. Ясно, что делать выводы из таких «выборочных» примеров, – способ далеко не лучший.

Клиодинамика действует иначе. Она использует методы науки о данных, рассматривает исторические факты, собранные поколениями историков, как большие данные. Она использует математические модели, чтобы проследить многоуровневые взаимодействия между различными «движущимися частями» сложных социальных систем, которыми являются наши общества. А самое главное – то, что клиодинамика применяет научный метод, в котором альтернативные теории подвергаются эмпирической проверке с помощью данных.

Так что, собственно, клиодинамика говорит нам о нынешнем беспокойном времени? Оказывается, с тех пор, как возникли первые сложные общества, организованные в государства – это случилось приблизительно пять тысяч лет назад, – все они, какими бы успешными ни были, в конце концов неизбежно сталкивались с проблемами. Все сложные общества проходят через циклы внутреннего мира и гармонии,

которые регулярно чередуются со вспышками внутреннего насилия и раздора.

Моя книга представляет собой попытку объяснить, как безличные социальные силы толкают общества к обрыву и дальше. Я буду обращаться за примерами к истории человечества, но главная моя цель состоит в том, чтобы показать, как мы дошли до нынешней эпохи разногласий, а Соединенные Штаты Америки послужат мне эмпирическим материалом. Поскольку сегодняшний кризис имеет глубокие исторические корни, нам предстоит отправиться в прошлое, в эпоху «Нового курса»¹, когда неписанный общественный договор стал частью американской политической культуры. Этот неформальный и подразумеваемый договор уравнивал интересы работников, бизнеса и государства, подобно более формальным и явным трехсторонним соглашениям в Скандинавских странах. Для двух поколений людей этот негласный договор обеспечил беспрецедентный рост общего благосостояния в Америке. В то же время «Великое сжатие»² резко обрушило экономическое неравенство. Многие люди при этом остались в стороне – в частности, чернокожие аме-

¹ «Новый курс» (англ. New Deal) – в периодизации истории США эпоха социально-экономических реформ (1933–1939), направленных на преодоление последствий Великой депрессии. – *Здесь и далее, если не указано иное, примеч. перев.*

² «Великое сжатие» (англ. Great Compression) – неофициальное обозначение периода сокращения доходов в США (с начала 1940-х до 1970-х гг.); термин предложен экономистами К. Голдин и Р. Марго.

риканцы, – и об их ощущениях я расскажу подробнее. Однако в целом около пятидесяти лет в Америке интересы рабочих и собственников сохранялись в равновесии, так что совокупное неравенство доходов было удивительно низким.

Этот общественный договор начал разрушаться в конце 1970-х годов. Вследствие этого средняя заработная плата рабочих, которая ранее увеличивалась по мере общего экономического роста, стала отставать. Хуже того, реальная заработная плата оставалась на прежнем уровне, а временами даже снижалась. В итоге наблюдается изрядное снижение качества жизни у большей части американского населения. Наиболее яркой тенденцией стала стагнация и даже снижение средней продолжительности жизни (начавшееся задолго до пандемии COVID-19). А элита, пока заработная плата и доходы рабочих стагнировали, пожинала плоды экономического роста. Появился своего рода извращенный «насос богатства», отнимающий доходы у бедных и перенаправляющий их богатым. «Великое сжатие» обратилось вспять. Последние сорок лет во многом схожи в этом отношении с ситуацией в Соединенных Штатах Америки между 1870 и 1900 годами. Если послевоенный период был настоящим золотым веком всеобщего процветания, то после 1980 года мы и вправду вступили во «второй позолоченный век».

Как предсказывает наша модель, дополнительное богатство, перетекающее к элите (к пресловутому «1 проценту», а еще больше – к верхнему слою в 0,01 процента), в ко-

нечном счете начинает создавать проблемы для самих богачей (и власть имущих). Социальная пирамида шатается: слишком много появилось «элитных претендентов», конкурирующих за фиксированное количество постов в высших эшелонах политики и бизнеса. В нашей модели такие условия характеризуются как перепроизводство элиты. Наряду с обнищанием масс перепроизводство элиты и внутриэлитные конфликты, которыми оно чревато, постепенно ослабляют гражданскую сплоченность и чувство общенационального сотрудничества, без которого государства быстро гниют изнутри. Растущая социальная неустойчивость проявилась в падении уровня доверия к государственным институтам и в деградации социальных норм, регулирующих общественное восприятие и функционирование демократических институтов.

Это, конечно, голая схема. Основная часть книги раскроет эти идеи, свяжет их со статистикой ключевых экономических и социальных показателей и проследит некоторые архетипические человеческие истории жертв указанных социальных сил. Хотя мое внимание сосредоточено прежде всего на Америке и американцах, в книге предпринимаются и «рейды» в другие части мира и в предыдущие исторические эпохи. Опять-таки нынешний американский кризис нельзя считать беспрецедентным; тем самым мы в состоянии извлечь уроки из нашего прошлого.

В конечном счете центральный вопрос книги – это вопрос

социальной власти. Кто нами правит? Как правящие элиты сохраняют свое господствующее положение в обществе? Кто бросает вызов статус-кво и какова роль перепроизводства элиты в выдвижении таких претендентов? Почему правящие классы, в прошлом и сегодня, порой внезапно теряют власть и низвергаются? Давайте начнем отвечать на эти жизненно важные вопросы.

Часть I

Клиодинамика власти

Глава 1

Элиты, перепроизводство элит и путь к кризису

Кто такие элиты? Источники социальной власти

Кого считать элитой? Вот вы, читатель, – «элита»? Предложи мне кто-то заключить пари, я бы предположил, что 99 процентов моих читателей ответит на этот вопрос отрицательно! Итак, давайте уточним, кто имеется в виду под «элитой». В социологии элита – вовсе не те, кто лучше прочих в том или ином отношении, вовсе не обязательно те, кто трудолюбивее, умнее или талантливее. Элита – те, кто обладает большей социальной властью, то есть возможностью оказывать влияние на других людей. Более описательный термин для элиты – «наделенные властью».

Поскольку власть – очень важная составляющая моей ис-

тории, мы вернемся к ней в следующих главах, где будет обсуждаться, как социологи описывают власть и обладателей власти в разных обществах, в прошлом и настоящем. Пока же выберем кратчайший путь. В Америке власть тесно связана с богатством. В результате довольно просто установить, кто конкретно принадлежит к иерархии власть имущих. (Более содержательный ответ на вопрос о том, кто правит, излагается в главе 5.)

Если вы американец и размер вашего личного капитала находится в промежутке от 1 до 2 миллионов долларов, то таких людей насчитывается около 10 процентов от населения, и они составляют нижние слои американской элиты. Большинство представителей этой категории не располагает сколько-нибудь заметной властью — в том смысле, что они мало кем способны повелевать. При этом состояние в несколько миллионов долларов (и более высокий доход, обыкновенно с ним связанный) обеспечивает указанным 10 процентам большую степень власти над собственной жизнью. Они вполне могут отказаться от работы, которая им неприятна, дешево оплачивается или предполагает перемещение туда, куда не хочется переезжать. Еще они вполне могут принять решение вообще устраниться от «крысиных бегов» повседневной жизни. Как правило, они владеют домами и отправляют своих детей в хорошие колледжи, а внезапные проблемы со здоровьем их не разоряют. Они определенно

избегают «прекарности»³ бытия.

Соотношение между богатством и реальной властью становится более значимым для тех, чей личный капитал исчисляется десятками, а лучше сотнями миллионов долларов. В эту группу входят владельцы бизнеса и руководители крупных корпораций, обладающие властью над сотнями и тысячами сотрудников, а также многие влиятельные политики. (Приблизительно у пяти десятков конгрессменов собственный капитал превышает 10 миллионов долларов.) При этом прямой зависимости между богатством и политической властью не наблюдается. Сразу девять президентов США недоотянули даже до состояния в 1 миллион долларов в сегодняшних ценах (в том числе Гарри Трумэн, Вудро Вильсон и Авраам Линкольн). Зато более половины из них располагали капиталом, который позволял причислить владельцев к 1 проценту самых богатых людей Америки. До 1850 года все американские президенты были такими «однопроцентниками» (как минимум).

Кроме того, нужно помнить, что бедняки в Америке, обретая власть, недолго остаются бедными. Билл Клинтон вырос в бедной арканзасской семье, его жестокий отчим был алкоголиком, а ныне его состояние оценивается как мини-

³ Прекарность (от *англ.* precarious и *лат.* precarium – «сомнительный, опасный, рискованный, негарантированный, нестабильный») – в социологии и социальной антропологии состояние общей неуверенности индивидуума в завтрашнем дне, социальное явление, подразумевающее отсутствие какой-либо (финансовой, культурной, даже экзистенциальной) определенности.

мум в 120 миллионов долларов³⁴. Тесная связь между богатством и политической властью в Америке частично объясняется тем обстоятельством, что многие политики, бедные в начале своей карьеры, после ухода с государственной должности пополняют ряды богачей. А другая, не менее важная причина заключается в том, что люди, которые и без того богаты, гораздо чаще, чем остальные, добиваются государственных постов. Вспомним кланы Рузвельтов и Кеннеди, вспомним Росса Перо, Майкла Блумберга и – разумеется – Дональда Трампа.

Тем не менее даже в Америке взаимосвязь богатства и власти далека от идеала. А потому нужно обратиться к рассмотрению иных источников власти. Самая суровая – и самая грубая – форма социальной власти состоит в принуждении, в применении силы или угрозе ее применить. Американцы, привычные к принуждению – скажем, армейские генералы и офицеры полиции, – обычно целиком и полностью подчиняются другим формам власти. Исключения вроде Дж. Эдгара Гувера, первого и наиболее влиятельного директора ФБР, встречаются редко.

Второй вид власти – это богатство (или, обобщая, накопленные материальные ресурсы). Состоятельные люди могут нанимать других, чтобы те выполняли их пожелания (до определенных пределов).

Третий, более утонченный вид власти – бюрократический или административный. Современные люди принадлежат ко

множеству различных организаций. У нас есть множество «начальников», чьим распоряжениям мы обычно следуем. Конечно, здесь тоже присутствует элемент принуждения, поскольку невыполнение распоряжений чревато увольнением, штрафами или арестом. Но чаще всего мы выполняем приказы, просто подчиняясь социальным нормам. Боссы разных уровней обладают разной властью, причем степень последней возрастает по мере укрупнения организации и положения в организационной иерархии.

Четвертый (и самый «мягкий») вид власти – идеология, сила убеждения. Мягкая сила, или убеждение, чрезвычайно могущественна, способна подчинить множество людей. Тут мы сталкиваемся со множеством влиятельных персон, будь то известные «публичные интеллектуалы», обозреватели крупных газет или, в последнее время, блогеры из социальных сетей с миллионами подписчиков.

Итак, на этот простой вопрос – кто принадлежит к элите? – не существует простого ответа. Человеческие общества представляют собой сложные системы, и попытка описать движение социальной власти посредством чрезмерно упрощенной схемы будет поэтому контрпродуктивной. Моя же задача заключается в том, чтобы сделать мою теорию как можно более простой, но не упрощать до предела⁵.

Игра в стулья на повышение

Пытаясь осмыслить так называемое элитарное поведение, мы сразу обнаруживаем несколько уровней сложности. Во-первых, с точки зрения богатства между элитой и «неэлитой» строгого разграничения нет. «Десятипроцентники» (условные сегодняшние долларовые миллионеры) лучше контролируют собственную жизнь. «Однопроцентники» (грубо говоря, мультимиллионеры) имеют больше власти над жизнями других людей. Те, у кого сотни миллионов, и миллиардеры обладают еще большей властью. Но четкая граница между «однопроцентниками» и «десятипроцентниками» отсутствует, ибо распределение доходов представляет собой плавную кривую. При этом не имеется существенных различий в социальных установках между «однопроцентниками» и «десятипроцентниками» или между «десятипроцентниками», децилем⁴ с самым высоким доходом, и следующим за ним децилем. В главе 3 мы увидим, что иной способ разграничения социальных групп – с точки зрения образования (те, у кого за спиной четыре года обучения в колледже, против тех, у кого этого опыта нет) – гораздо важнее для понимания разнообразия жизненных траекторий и социальных установок.

⁴ Дециль – в статистике и социологии единичный фрагмент распределения набора данных на 10 подразделов, десятая часть общей совокупности.

Во-вторых, представители элиты, как правило, специализируются на различных видах социальной власти: генералы, адмиралы и начальники полиции распределяют принуждение; руководители корпораций и богачи обладают экономической властью; сенаторы и федеральные министры отправляют власть административную, а телеведущие и влиятельные блогеры занимаются убеждением. Всякое влияние предполагает собственную иерархию власти. Наиболее отчетливо это проявляется в цепочке командования военных, но свои иерархии есть и у более мягких разновидностей власти.

Третий уровень сложности возникает, когда мы спрашиваем – как создаются элиты? Чтобы понять перепроизводство элиты, нужно разобраться в социальном воспроизводстве элит, выяснить, что с ними происходит на протяжении времени.

Давайте различать тех, кто уже занимает элитные позиции (устоявшуюся элиту), и тех, кто хочет занять такие позиции (претендентов). Претенденты на элиту различаются в зависимости от того, какую именно власть они хотят получить и к какому уровню стремятся. Например, большинство лейтенантов жаждет стать майорами, а большинство майоров мечтает в однозвездные генералы, тогда как последние мечтают о дополнительных звездах на погонах. Точно так же «дека-миллионеры» (с десятками миллионов долларов) хотят стать сантимиллионерами (с сотнями миллионов), а те, кто уже заработал свои первые 100 миллионов долларов, стремятся

попасть в миллиардеры.

Далеко не все обращают помыслы на обретение власти, но претендентов всегда больше, чем «властных» должностей. Неизбежно находятся те, кто пытается, но не может получить власть, — это несостоявшиеся претенденты на элиту. Перепроизводство элиты возникает, когда спрос на руководящие посты со стороны претендентов значительно превышает предложение. Давайте пока сосредоточимся на связи между богатством и политикой и посмотрим, как может развиваться здесь перепроизводство элиты.

С 1980-х годов число сверхбогатых в Америке — тех, кто стоит не менее 10 миллионов долларов, то есть «декамиллионеров», — начало быстро расти⁶⁷. В 1983 году насчитывалось всего 66 000 таких людей, а в 2019 году (последнем, для которого имеется надежная статистика) их количество увеличилось более чем в десять раз — до 693 000 человек. Это не следствие обесценивания доллара; для уточнения принадлежности к этой группе мы берем за основу стоимость доллара в 1995 году. За указанный период общее количество интересующих нас лиц выросло на 53 процента, так что в пропорциональном отношении «декамиллионеры» (ранее 0,08 процента) теперь составляют 0,54 процента от общей численности населения.

Аналогичный рост состояния богачей отмечается и ниже в «пищевой цепочке». Если число «декамиллионеров» увеличилось в десять раз, то количество людей с состоянием 5

миллионов долларов и более увеличилось в семь раз, а количество простых миллионеров увеличилось в четыре раза. В целом чем выше уровень состояния, на которое мы смотрим, тем больше оно выросло за последние сорок лет.

На первый взгляд увеличение числа богатых людей не внушает опасений, не правда ли? В конце концов, стремление разбогатеть – неотъемлемая часть американской мечты. Но у этой хорошей новости есть отрицательные последствия. Во-первых, раздувание класса сверхбогатых происходит за счет благосостояния остального населения. Пока число сверхбогатых увеличивается, доходы и богатство типичной американской семьи сокращаются. (Более точный термин для «типичного» богатства – «медиана», распределение богатства на равные половины; экономический упадок американских рабочих станет главной темой главы 3.) Это расхождение между финансовым благополучием простых американцев и богатой элиты привело к быстрому нарастанию экономического неравенства, о котором много говорят в последние годы.

Вторая проблема не столь очевидна и менее понятна⁸. Когда социальная пирамида становится шаткой, это сулит малоприятные последствия для стабильности наших обществ.

Чтобы понять, почему это так, обратимся к игре. В мюзикле «Эвита» группа аргентинских офицеров играет в «музыкальные стулья». Все происходит следующим образом: звучит музыка, офицеры движутся вокруг стульев; когда му-

зыка замолкает, каждый игрок должен найти свободный стул и сесть. Однако игроков больше, чем стульев, поэтому тот бедолага, которому не удалось занять стул, выбывает. Затем игра возобновляется, причем «лишний» стул убирают. В итоге остается единственный победитель. В «Эвите» им стал полковник Хуан Перон, который позже в мюзикле (как и в реальной жизни) сделался президентом Аргентины и основателем Перонистской партии.

В элитной игре претендентов, или, для краткости, в «игре на повышение», мы не уменьшаем количество стульев в каждом раунде, а увеличиваем количество игроков. Игра начинается так же, как в «музыкальных стульях», и десять стульев олицетворяют власть (например, политические посты). В первом раунде одиннадцать игроков (претендентов) сражаются за места. Десять победителей входят в устоявшуюся элиту, а проигравший становится разочарованным претендентом. В следующих раундах мы увеличиваем количество игроков, в итоге удваивая, а затем утраивая их число, тогда как стульев по-прежнему десять. Количество победителей остается прежним, но количество разочарованных претендентов возрастает – с первоначального одного до десяти, а затем до двадцати. Вообразите градус хаоса и плотность конфликтов по ходу игры! (Я бы не советовал играть в эту игру на дне рождения ребенка.) Существует также своеобразный «эффект усиления»: когда мы увеличиваем количество претендентов в два, а затем в три раза, число неудовле-

творенных увеличивается в десять, а затем в двадцать раз. (Это общая черта перепроизводства элит.)

В теории игр, разделе математики, изучающем стратегические взаимодействия, игроки должны разрабатывать выигрышные стратегии в рамках заданных правил. Но в реальной жизни люди постоянно нарушают правила. По мере роста числа претендентов на одну из руководящих должностей некоторые неизбежно решают расширить правила. Например, можно замедлить шаг у стула или даже остановиться и подождать прямо возле него, пока не смолкнет музыка, отпихивая при этом других претендентов. Поздравляю, вы только что стали контрэлитой – тем, кто готов нарушать правила, чтобы преуспеть в игре. К сожалению, другие игроки быстро спохватываются, и вскоре у каждого стула собирается целая толпа, так что неминуемо приближается этап кулачного боя, когда все ввяжутся в схватку друг против друга. Это хорошая модель для понимания последствий перепроизводства элиты в реальной жизни.

На практике, как мы видели, за последние сорок лет число обладателей богатства разного уровня увеличилось в четыре, семь и даже в десять раз. Лишь небольшая часть решает потратить толику своего состояния ради политических достижений. Кто-то, например, может позариться на место в палате представителей или Сенате или вступить в поединок за пост губернатора штата. Главной наградой, конечно же, является президентство. Число властных должностей оста-

валось неизменным на протяжении последних десятилетий, но число претендентов на них возрастало заодно с общим числом обладателей богатства. Из-за эффекта усиления число разочарованных претендентов росло даже быстрее, чем само по себе поразительное увеличение числа обладателей богатства.

Этот вывод не просто какая-то абстрактная модель. Теперь мы можем проникнуть в суть ряда выборных тенденций в США, выделенных Центром гибкой политики⁹. Одна заключается в том, что в 1990-е годы начало возрастать число самофинансируемых кандидатов. На выборах в Конгресс 2000 года (довыборы в палату представителей и Сенат) девятнадцать кандидатов по отдельности потратили 1 миллион долларов или более из собственных средств на свои кампании. В следующем туре выборов на место в Конгрессе претендовали двадцать два богача. Двадцать лет спустя их число выросло приблизительно вдвое: сорок один и тридцать шесть кандидатов по отдельности потратили 1 миллион долларов и более в 2018 и 2020 годах.

Еще более наглядным показателем перепроизводства владельцев богатств и их влияния на выборы является стоимость проведения успешной кампании. В конце концов, не все политически амбициозные богатые люди баллотируются сами. Вместо этого многие предпочитают финансировать профессиональных политиков, которые выступают с собственными политическими программами в Вашингтоне. Со-

гласно данным, собранным Центром гибкой политики, средние расходы победителя на выборах в палату представителей выросли с 400 тысяч долларов в 1990 году до 2,35 миллиона долларов в 2020 году, а в Сенат – с 3,9 миллиона долларов в 1990 году до 27 миллионов долларов на последних выборах.

За минувшие сорок лет мы играли в игру перепроизводства элит раз в два года. По мере роста числа игроков возрастает и вероятность нарушения правил. Стоит ли удивляться тому, что правила игры – социальные нормы и институты, регулирующие демократические выборы, – нарушаются в реальной жизни?

Но перепроизводство элит лишь половина проблемы. Расширение класса богачей напрямую воздействует на общество в целом. Следовательно, пора добавить в нашу модель стабильности обществ второй фактор – обнищание масс.

Обнищание масс

Наше общество коллективно производит множество продуктов и услуг, и экономисты многое узнали о том, как оценивать эту общую сумму – валовой внутренний продукт (ВВП). Да, некоторые досадные пробелы в учете еще сохраняются (как оценивать работу по дому? что насчет преступной деятельности?), но с немалой достоверностью мы сегодня можем использовать статистику ВВП, публикуемую государственными учреждениями, чтобы получить представ-

ление об общей сумме богатств, созданных в любой конкретной стране за тот или иной год.

Эта сумма обычно увеличивается со временем благодаря экономическому росту, но она все же конечна. Тем самым способы ее распределения между различными типами потребителей начинают привлекать все больше внимания. В нашей теории структура общества предстает как совокупность трех основных элементов: государства, элиты и всех остальных. Эта модель значительно упрощает великолепную сложность наших современных обществ (мы уже видели, что определить, кто относится к элите, совсем не просто). Но, как станет ясно далее, она отображает реальность в той мере, в какой сама модель является эмпирически значимой и информативной.

За чей счет в последние годы возрастало богатство элиты? Богатство – это накопленный доход; чтобы он рос, его нужно подпитывать, направляя часть ВВП элитам. Доля ВВП, потребляемая государством, не сильно изменилась за последние четыре десятилетия¹⁰. Больше всего в проигрыше оказался рядовой американец.

На протяжении двух поколений после 1930-х годов реальная заработная плата американских рабочих неуклонно росла, что привело к беспрецедентному в истории человечества всеобщему процветанию Америки. Но в 1970-е годы реальная заработная плата перестала расти. В то время как экономика в целом продолжала развиваться, доля экономического

роста применительно к работникам начала сокращаться. Мы можем разобраться в работе этого «насоса богатства», проследив динамику относительной заработной платы – типичной заработной платы (например, для неквалифицированных рабочих или для пролетариев – не имеет значения, кого именно, пока используется для оценки одна и та же группа), поделенной на показатель ВВП на душу населения. До 1960-х годов относительная заработная плата резко возрастала, но затем начала снижаться и к 2010 году сократилась почти вдвое¹¹. Изменение тенденции в доле экономического роста применительно к работникам также привело к изменению состояния богатых. Это «эффект Матфея»⁵: когда забираешь у бедных и отдаешь богатым, богатые становятся еще богаче, а бедные беднеют дальше.

Когда Америка вступила в эпоху стагнации и упадка заработной платы, это сказалось не только на экономических показателях благосостояния, но также на биологических и социальных показателях. Я расскажу об этом подробнее в главе 3, а пока достаточно отметить, что ожидаемая продолжительность жизни значительной части американского населения начала снижаться за годы до пандемии COVID-19. Доля «смертей от отчаяния» (самоубийства, алкоголизм, передо-

⁵ Эффект Матфея (*англ.* Matthew effect) – обозначение неравного распределения преимуществ; термин предложен социологом Р. Мертоном, который ссылаясь на библейский сюжет (Притча о талантах), повествующий о надлежащем обращении с деньгами («всякому имеющему дастся и приумножится, а у неимеющего отнимется и то, что имеет» – см. Мф. 25: 14–29).

зировка наркотиков) резко выросла среди лиц, не имеющих высшего образования, в 2000–2016 годы, оставаясь при этом на стабильном, гораздо более низком уровне среди тех, кто имеет как минимум высшее образование. Так выглядит обнищание масс.

Оно порождает недовольство, которое в конечном счете выливается в народный гнев. Это недовольство в сочетании с обилием претендентов на элиту создает крайне взрывоопасную комбинацию, что и наблюдается в Америке с 2016 года.

Трамп: маловероятный президент

Дональд Трамп оказался неожиданным президентом. Он единственный среди президентов США вступил в должность, не имея за спиной опыта государственной службы любого рода¹²¹³. В 2014 году никто (включая, возможно, и самого Трампа) не мог вообразить, что он станет правителем самой могущественной державы на планете. Его головокружительное восхождение на вершину мировой власти было настолько поразительным, что половина американского населения и большинство американской элиты пребывало в убеждении, будто его избрали в президенты незаконно. Многие предпочли поверить в теорию заговора, утверждающую, что избрание Дональда Трампа стало результатом неких махинаций со стороны России. По сей день эксперты и обозреватели продолжают спорить о том, как и почему Трамп сде-

лался президентом.

Наш человеческий мозг устроен таким образом, что мы видим «агентность» за любым событием, в особенности за тем, которое оказывает на нас сильное влияние¹⁴. Нам трудно признать, что очень многие события происходят отнюдь не по причине вмешательства неких злонамеренных заговорщиков, а просто потому, что так распорядились безличные социальные силы. Но чтобы понять восхождение Трампа – и, в более широком смысле, осознать, почему Америка находится в кризисе, – нужна не теория заговора, а научная теория.

Чтобы понять, почему Дональд Трамп стал сорок пятым президентом Соединенных Штатов Америки, следует уделять меньше внимания его личным качествам и поступкам, зато пристальнее присматриваться к глубинным социальным силам, которые и вознесли его на вершину. Трамп своего рода маленькая лодка, застрявшая на гребне могучей приливной волны. Две самые важные социальные силы, которые обеспечили президентство Трампа и поставили Америку на грань распада государства, – это перепроизводство элит и обнищание населения.

Как будто странно рассуждать о Дональде Трампе как о претенденте на вхождение в элиту. Ведь он родился богатым и унаследовал (или получил от отца) сотни миллионов долларов¹⁵. Но он идеально подходит под определение, данное выше. Трамп – один из быстрорастущей когорты сверхбога-

тых, жаждущих занять политический пост. Будучи довольно богатым («сантимиллионер» или, возможно, миллиардер, как он сам утверждает) и знаменитым, он мечтал о большем.

Трампа – не первый сверхбогатый человек без политического опыта, баллотировавшийся на пост президента США. Стив Форбс (его состояние оценивается в 400 миллионов долларов) баллотировался в качестве кандидата на республиканских праймериз в 1996 и 2000 годах, но не преуспел. Миллиардер Росс Перо баллотировался как независимый кандидат в 1992 и 1996 годах, получил почти 20 процентов голосов избирателей в первом туре. Почему же Трамп добился успеха, а Форбс и Перо потерпели неудачу?

Мой ответ распадается на два. Во-первых, к 2016 году массовое обнищание стало заметнее, чем в 1992 году, и Трамп ловко и безжалостно использовал эту социальную силу в своей президентской кампании. Ведь большинство американцев, ощущавших себя обделенными, проголосовало за маловероятного кандидата – миллиардера. Для многих из них речь шла не об одобрении кандидатуры Трампа, а о выражении своего недовольства (на грани гнева) правящим классом. (Подробнее об источниках и последствиях народного недовольства мы поговорим в главе 3.)

Во-вторых, к 2016 году игра в поле перепроизводства элит достигла точки бифуркации, правила поведения в политических кампаниях подверглись пересмотру. На тот момент на президентских праймериз от Республиканской партии в

2016 году было выдвинуто самое большое количество кандидатов в истории. Всего в гонке приняли участие семнадцать человек¹⁶. Ошеломленная американская публика стала невольным зрителем причудливого зрелища – игры претендентов, достигшей логической кульминации. Кандидаты состязались в нелепости заявлений, несли с трибун полную чушь, чтобы привлечь внимание прессы и остаться в гонке, в то время как «серьезные» соперники проигрывали по результатам опросов и выбывали¹⁷.

В общем-то, не приходится сомневаться в том, что Трамп управлял своей лодкой лучше конкурентов (у него были полезные помощники, в частности самопровозглашенный «революционный стратег» Стив Бэннон). Тем не менее было бы ошибкой возлагать на него (или на Бэннона) чрезмерные надежды на успех там, где другие претенденты-миллиардеры ранее потерпели неудачу. Президентство ему принесло сочетание конфликта между элитами и способности Трампа направлять народное недовольство, ибо последнее распространилось шире и было куда опаснее, чем многие понимали или хотя бы признавали.

Наше нынешнее затруднительное положение не уникально – это одна из центральных тем книги. Давайте отправимся вспять во времени, чтобы посмотреть на возвышение другого кандидата в элиту, чья жизненная траектория иллюстрирует взаимодействие двух сил нестабильности – перепроизводства элит и обнищания масс.

Линкольн: еще один маловероятный президент

Авраам Линкольн, шестнадцатый президент Соединенных Штатов Америки, является одной из наиболее почитаемых фигур американской истории. Внушительная статуя Линкольна безмятежно возвышается над мемориалом у вашингтонского Молла. Однако реальная жизнь Линкольна была вовсе не безмятежной. Он проиграл гораздо больше выборов, чем выиграл, у него случился нервный срыв, и в какой-то миг он даже решил отказаться от политической карьеры.

Конечно, он выиграл самые важные для себя выборы в 1860 году. Но в годы президентства его оскорбляли со всех сторон. Историк Стивен Оутс сухо отмечает:

«Северные демократы критиковали его как диктатора-аболициониста, аболиционисты — как тупоумное порождение рабовладельческого государства, а республиканцы всех сортов видели в нем некомпетентного шарлатана. По правде говоря, Линкольн, возможно, был одним из двух или трех самых непопулярных президентов в американской истории»¹⁸.

Это еще один маловероятный президент, а его возвышение было обусловлено теми же двумя социальными силами

– перепроизводством элит и обнищанием населения. Перед Гражданской войной Америкой правила элита аристократических южных рабовладельцев в союзе с северо-восточными патрициями – торговцами, банкирами и юристами¹⁹. Экономической основой этого альянса служила сельскохозяйственная продукция южных плантаций, плод рабского труда (в первую очередь хлопок). Торговля хлопком была важнейшим занятием торговой элиты Нью-Йорка, которая экспортировала товары, выращенные на Юге, и ввозила товары европейского производства. Другая часть элиты (особенно в Массачусетсе) использовала южный хлопок для производства текстиля. Эта коалиция, в особенности ее южный рабовладельческий элемент, доминировала в политике довоенной Америки. Голоса южных белых мужчин имели больший вес из-за печально известного «компромисса трех пятых» 1787 года: учитывались три пятых рабского населения при распределении представительных и президентских выборщиков (разумеется, без позволения рабам голосовать). Южные элиты также контролировали половину Сената, хотя свободное население Севера почти вдвое превышало население Юга. Две трети самых богатых людей США проживало на Юге – 4500 человек из 7000 американцев с состоянием, превышающим 100 тысяч долларов (более 2 миллионов долларов в сегодняшних ценах²⁰). У богатых аристократов имелись ресурсы и свободное время на выборные должности и карьеру в правительстве, а также на влияние на вы-

борах, причем на Юге таковых было попросту больше, чем на Севере. Южные элиты подчинили себе и высшие правительственные учреждения; большинство президентов и вице-президентов, членов Кабинета министров, высокопоставленных правительственных чиновников, сенаторов и верховных судей были выходцами с Юга.

Линкольн, с другой стороны, происходил из очень скромной семьи. Он был юристом-самоучкой и начал свою политическую карьеру в Иллинойсе (в то время штат на северо-западной границе страны), вдали от центров власти в Виргинии и на Восточном побережье. Он сильно отличался от богатых аристократов, что преобладали во власти в ранней республике. Президентские амбиции Линкольна не воспринимались всерьез до самого конца. Вообще он был более известен своими предыдущими неудачами, чем успехами. Как же этому юристу-самоучке из захолустья удалось попасть в президенты?

Америка 1850-х годов и Америка 2020 года (пускай во многом это очень разные страны) имеют ряд поразительных сходств. Между 1820-ми и 1860-ми годами относительная заработная плата, доля экономической продукции, выплачиваемая в виде заработной платы рабочим, снизилась почти на 50 процентов – точно так же, как и в последние пять десятилетий²¹ нашего времени. Влияние этого фактора на благосостояние простых американцев было поистине разрушительным. Нагляднее всего это положение отражается в био-

логических показателях качества жизни. Средняя ожидаемая продолжительность жизни для поколения нынешних десятилетних уменьшилась на восемь лет! Рост же коренных американцев, которые в восемнадцатом веке были самыми высокими людьми на Земле, начал уменьшаться. Обнищание порождает недовольство, и признаки этого недовольства проявлялись повсюду. Одним из явных признаков нарастания социального давления были городские беспорядки. В 1820–1825 годах (благополучные времена) произошел всего один городской бунт со смертельным исходом (речь о бунте, в ходе которого погиб по крайней мере один человек). Но за пять лет до Гражданской войны, в 1855–1860 годах, американские города увидели не менее тридцати восьми беспорядков со смертельным исходом. Дополнительным признаком растущего народного недовольства было возвышение популистских партий – скажем, антииммиграционной партии «ничегонезнаек»⁶.

Еще одним фактором, объясняющим успех Линкольна и Гражданскую войну, спровоцированную его избранием, было перепроизводство элиты. После 1820 года большая часть

⁶ «Партия ничего не знающих» (*англ.* «Know Nothing»), формально известная как Партия коренных американцев (*англ.* Native American Party) – тайное общество и общественное движение в США в 1840-х и 1850-х гг. Свое прозвище партия получила по запрету ее членам сообщать посторонним какие-либо подробности о деятельности организации («Ничего не знаю»). Выступала против «католического заговора», якобы направленного на уничтожение прав и свобод населения США, и против мигрантов.

доходов от растущей экономики досталась не рабочим, а элите; численность элиты и ее богатство резко возросли. С 1800 по 1850 год число миллионеров (миллиардеров в сегодняшних долларах) увеличилось с полудюжины до приблизительно ста человек. Конечно, население страны тоже росло (с пяти до двадцати трех миллионов человек), но число миллионеров на один миллион населения за этот период увеличилось в четыре раза. Размер наибольшего состояния в 1790 году составлял миллион долларов (Элиас Дерби) и к 1803 году увеличился до 3 миллионов долларов (у Уильяма Бингема). А далее он устремился ввысь, будто не имея предела: 6 миллионов в 1830 году (Стивен Жирар), 20 миллионов в 1848 году (Джон Астор) и 40 миллионов в 1868 году (Корнелиус Вандербильт)²²²³. Множество других статистических данных, характеризующих ряды богачей, отражает одно и то же обстоятельство: по мере того как бедные становились беднее, богатые делали все богаче.

Новое богатство материально обеспечивалось горнодобывающей промышленностью, железными дорогами и производством стали, а не хлопком и зарубежной торговлей. Новых миллионеров раздражало правление южной аристократии, поскольку их экономические интересы расходились с интересами прежней элиты. Новые элиты, которые зарабатывали деньги на производстве, выступали за высокие тарифы для защиты зарождающейся американской промышленности и за государственную поддержку «внутренних улучше-

ний» (строительство магистралей, каналов и железных дорог). Устоявшаяся элита, которая выращивала и экспортировала хлопок, а также импортировала промышленные товары из-за границы, естественно, выступала за низкие тарифы и была против использования государственных средств для «внутренних улучшений», поскольку отправляла свою продукцию на мировые рынки по рекам и морям. Новые экономические элиты выступали за индустриализацию, замещение импорта и экспорт сельскохозяйственных товаров наподобие пшеницы, производимой свободным трудом фермеров. Эти бизнесмены утверждали, что мертвая хватка южных рабовладельцев на «горле» федерального правительства препятствует проведению необходимых реформ в банковской и транспортной системах и тем самым угрожает экономическому благополучию новой элиты.

Кроме того, резкое увеличение численности элиты нарушило равновесие между спросом и предложением на государственные должности. Некоторые обладатели богатства сами баллотировались на посты, в то время как другие вкладывали ресурсы в поддержку конкурирующих политиков. Сыновья купеческих семейств часто выбирали иные профессии, в частности юридическую. Получение юридического образования было и остается основным путем к политической должности в Соединенных Штатах Америки. Стать юристом в то время было относительно легко, ибо тут не требовалось диплома юридического факультета. Рост числа юристов

(считая и Линкольна) привел к увеличению количества претендентов на политические должности. В то же время предложение застопорилось: так, число представителей в период с 1789 по 1835 год увеличилось с 65 до 242, но затем не изменялось²⁴. Резкий рост числа претендентов на элиту усиливал конкуренцию за политическую власть.

В те более грубые времена внутриэлитные конфликты нередко принимали острейшие формы. В Конгрессе количество случаев насилия и угроз насилием стойко увеличивалось и достигло пика в 1850-х годах. Жестокое избиеение палкой, когда представитель Южной Каролины Престон Брукс поколотил сенатора от штата Массачусетс Чарльза Самнера в зале заседаний Сената в 1856 году, – самый известный образец этого насилия, но далеко не единственный. В 1842 году, после того как член палаты представителей от штата Теннесси Томас Арнольд «укорил сторонника рабства среди членов своей партии, к нему подошли два южных демократа, из которых один был вооружен охотничьим ножом – лезвием от 6 до 12 дюймов, такие часто носили пристегнутыми к спине. Назвав Арнольда “проклятым трусом”, этот демократ пригрозил перерезать ему горло “от уха до уха”»²⁵. В ходе дебатов 1850 года сенатор Генри Фут из Миссисипи наставил пистолет на сенатора Томаса Харта Бентона из Миссури. В другом ожесточенном споре один конгрессмен из Нью-Йорка случайно выронил пистолет, извлеченный из кармана, и чуть не спровоцировал общую перестрелку в зале Конгрес-

са²⁶. Линкольн, если коротко, варился в этой грубой политике, особенно в начале карьеры. Он часто оскорблял своих противников, и несколько раз доходило до драки, а однажды едва не состоялась дуэль.

Разногласия по поводу экономической политики и конкуренция за должности породили мощные стимулы для разрушения владычества южан в федеральном правительстве. Учебники истории гласят, что Гражданская война в США началась из-за рабства, но это правда лишь отчасти. Лучший способ охарактеризовать этот конфликт – сказать, что за ним стояла «рабократия». Действительно, хотя к 1860 году большинство северян считало рабство аморальным, лишь ничтожное меньшинство (северные аболиционисты) набралось сил и мужества для того, чтобы сделать этот вопрос центральным в своей политической программе. На Юге «особый институт» был настолько прибыльным для подавляющего большинства белых людей (поскольку большинство из них либо владело рабами, либо стремилось владеть), что те чувствовали себя обязанными его защищать. Большинство белых на Севере нисколько не заботилось о тяжком положении порабощенных чернокожих и не намеревалось ради них сражаться и умирать. Однако, поскольку рабство обеспечивало экономическую основу господства Юга, политическую атаку на рабовладельцев следовало подкрепить идеологической атакой на рабство как таковое. Большинство северян протестовало против «рабской власти» – то есть власти богатых

аристократов-южан – и их преобладания в национальной политике. Политическая программа Линкольна отражала эти настроения. Первоначально он не собирался отменять рабство на Юге, но был категорически против распространения рабства (и власти рабократии) в новых штатах.

Остальное уже история. Крах второй партийной системы⁷ привел к фрагментации политического ландшафта в 1850-х годах. На президентских выборах 1860 года боролись между собой четыре основных кандидата. Линкольн получил менее 40 процентов голосов, но победил в коллегии выборщиков. Юг отделился, спровоцировав Гражданскую войну в США. Победа Севера в войне привела к свержению довоенного правящего класса и становлению новой экономической элиты, которая с тех пор доминирует в американском государстве. (Мы подробно обсудим это в главе 5.)

Есть много общего между эпохой раздора, которую мы переживаем сейчас, и той, что закончилась Гражданской войной 160 лет назад. Эксперты часто отмечают, что мы как будто заново переживаем 1850-е годы. В самом деле, пусть довоенная Америка и нынешние США – две очень разные страны, у них много общего. Давайте теперь обратимся к еще одному кандидату в элиту, которому тоже выпало жить в бур-

⁷ Вторая партийная система (*англ.* Second Party System) – система политических партий, действовавших в Соединенных Штатах примерно с 1828 по 1852 год: Национальная республиканская партия, Демократическая партия, партия вигов и несколько малых партий; в целом этот период отмечен доминированием демократов.

ные времена и достигнуть вершин власти. Нам придется переместиться из Западного полушария в Китай.

Хун: маловероятный император

Двести лет назад экономика Китая была самой могущественной в мире, на нее приходилась почти треть мирового ВВП. Сегодня ВВП Китая, рассчитанный по ППС (паритету покупательной способности), тоже превосходит все остальные, а следующий за ним национальный ВВП (США) опережает приблизительно на 20 процентов. Однако между этими двумя периодами процветания Китай пережил столетие ада, или век унижения, как сегодня выражаются китайцы. После 1820 года ВВП Китая начал сокращаться и к 1870 году составлял менее половины ВВП Западной Европы. Страна переживала, казалось бы, нескончаемую череду голода, восстаний и унижительных поражений от внешних врагов. Самой страшной катастрофой было восстание тайпинов (1850–1864), печально известное как наиболее кровопролитная гражданская война в истории человечества. Каким же образом Китай сделался «больным человеком Восточной Азии»⁸ и чем объясняется его чудесное выздоровление в последние пятьдесят лет?

С 1644 по 1912 год в Китае правила династия Цин. Хо-

⁸ Парафраз известного выражения «больной человек Европы» (о Турции), приписываемого российскому императору Николаю I.

тя эта династия сложилась благодаря завоеванию Маньчжурией (которая до Цин не была частью Китая), маньчжуры быстро переняли традиционные китайские формы правления. В частности, империей Цин правил класс ученых-администраторов, которые продвигались по служебной лестнице только после успешной сдачи все более усложнявшихся экзаменов. Большинство населения страны (свыше 90 процентов) составляли крестьяне, к остальным принадлежали ремесленники, торговцы и солдаты. А мандарины – аттестованное сословие – правили всем, даже высшие командные посты в цинской армии обыкновенно занимали ученые-бюрократы, а не воины.

Первая половина правления династии была периодом устойчивого экономического роста и культурного расцвета. Усовершенствованные методы ведения сельского хозяйства и широкое внедрение новых культур (кукуруза и сладкий картофель) увеличили производство продуктов питания. Ранняя индустриализация также способствовала стабильному росту населения. Но рост населения не прекратился даже после того, когда благотворное влияние этих нововведений было исчерпано. К 1850 году китайское население в четыре раза превосходило по численности население в начале правления династии Цин. Пахотная земля на одного крестьянина сократилась почти втрое, снизилась реальная заработная плата, уменьшился средний рост (надежный показатель биологического благополучия). В ранний период

Цин не было массового голода; последний случай, в 1630–1631 годах на северо-западе Китая, пришелся на конец правления предыдущей династии Мин и способствовал ее краху. Следующий массовый голод случился в 1810 году, а за ним последовала череда других: 1846–1849, 1850–1873, 1876–1879 (погибло от девяти до тринадцати миллионов человек), 1896–1897 и 1911 годы (последний обернулся революцией, которая избавила династию Цин от необходимости кормить население). В целом после 1800 года уровень обнищания масс в Китае был очень высоким. А что насчет перепроизводства элит?

В период Цин элита в основном набиралась через систему гражданских экзаменов, которая состояла из нескольких степеней, присуждаемых успешным кандидатам на местных, провинциальных и судебных экзаменах. Система хорошо работала в первой половине правления династии Цин. Это обстоятельство обеспечивало высокий уровень грамотности и компетентности бюрократов. Изучение конфуцианской классики помогало укреплять общий дух – общее чувство культуры, морали и единства – внутри правящего класса. А продвижение по заслугам служило легитимации государства.

К сожалению, система государственной службы оказалась крайне уязвимой перед давлением со стороны роста населения. Количество официальных должностей в первую очередь определялось количеством административных единиц,

от провинций (на высшем уровне) до уездов (на местном уровне). Таким образом, число руководящих должностей было относительно постоянным, а вот число претендентов росло на протяжении всего периода Цин, чему способствовало четырехкратное увеличение населения Китая. Следует учитывать и значительный прирост в рядах богатых купцов, которые поставляли новых претендентов, стремящихся пополнить ряды «образованных». Сама того не желая, империя Цин устроила «игру в стулья». К 1850 году в Китае образовалось множество разочарованных претендентов, у которых не было надежды получить официальное положение среди элиты.

Хун Сюцюань (1814–1864), вожак восстания тайпинов, был одним из этих разочарованных претендентов. Он был третьим сыном из зажиточной семьи, которая могла позволить себе нанять детям учителей для получения формального образования. Успешно сдав экзамен на государственную службу первого уровня, он стал сюцаем, или лицензиатом (приблизительно соответствует степени магистра). Но подняться выше никак не удавалось: Хун четырежды пытался сдать один из императорских экзаменов – и каждый раз терпел неудачу.

После того как Хун не смог сдать экзамен в третий раз, разрыв между честолюбием и реальностью обернулся нервным срывом, он заболел и чуть не умер. За время болезни его посетила череда религиозных видений. Позже, читая бро-

шюры на китайском языке, изданные христианскими миссионерами, он объединил полученные знания о христианстве со своими видениями и создал новую синкретическую религию, главной целью которой было очистить Китай от конфуцианства (по сути, от государственной религии цинского Китая). Сам Хун считал новую веру разновидностью христианства, но признанные христиане – западные миссионеры – категорически с ним не соглашались.

Провалив императорский экзамен в провинции в четвертый раз в 1843 году, Хун начал проповедовать новое вероучение – своим родственникам и друзьям, а затем и широкой публике. Двое первых новообращенных, Фэн Юньшань и Хун Жэньгань, стали его помощниками. Оба также не справились с императорскими экзаменами. В итоге трое разочарованных претендентов на вступление в элиту превратились в контрэлиту. Власти обратили внимание на их деятельность и направили солдат для подавления зарождавшегося движения тайпинов, которое Хун назвал Обществом богопоклонников. По иронии судьбы, слово «тайпин» означает «великий мир», но тайпины принесли в Китай не мир, а самое кровавое восстание в мировой истории.

Первые несколько лет движение тайпинов медленно расширялось. В 1847 году у Хуна было всего две тысячи последователей, которые делились на множество самостоятельных ячеек. Эти люди страдали от припадков и говорили на разных языках. Что еще важнее (по мнению властей), они

принялись нападать на буддийские храмы и разбивать статуи «идолов». Численность общества резко возросла в эпидемию 1850 года, когда поползли слухи, будто больные исцеляются, молясь богу тайпинов²⁸²⁹.

Когда чиновники Цин, обеспокоенные новой угрозой, направили солдат для ареста Хуна Сюцюаня и Фэна Юньшаня, ближайшая ячейка богопоклонников, вооружившись мечами и копьями, атаковала и легко победила императорские силы. После этой победы Хун впервые призвал своих последователей объединиться. В следующем, 1851 году Хун Сюцюань объявил об основании Небесного царства тайпинов и провозгласил себя Небесным императором. Множество последователей, распродав имущество, стекалось под его знамена. Спустя два года войско тайпинов двинулось на север через провинцию Гуанси, отражая попытки империи Цин подавить восстание. Хун начинал с десяти тысяч воинов, но общая нищета, безземелье и нарушения порядка в сельской местности, преобладавшие в Китае, обеспечили ему массовый приток рекрутов. К 1853 году войско тайпинов насчитывало полмиллиона человек³⁰. Обнищание масс в сочетании с перепроизводством элит – взрывоопасная комбинация. Обнищавшие массы генерируют энергию, а контрэлиты создают организацию, которая направляет эту энергию против правящего класса.

В марте 1853 года огромное воинство тайпинов захватило Нанкин, южную столицу Китая. После этого Хун Сюцюань

более десяти лет управлял царством со столицей в Нанкине, занимавшим большую часть Юго-Восточного Китая, с населением в тридцать миллионов человек на пике своего развития. Ему почти удалось свергнуть династию Цин, поскольку в ту же пору другие области Китая тоже сотрясали крупные восстания, но в конце концов он проиграл. После многолетних боев армия Цин во главе с генералом Цзэном Гофанем осадила Нанкин. Хун заболел и умер 1 июня 1864 года. Через месяц Нанкин пал, и эксперимент по установлению «великого мира» завершился.

В молодости Хун был настойчив и, как показала его последующая карьера, по-своему талантлив. Но претендентов на фиксированное количество должностей было слишком много, и он оказался среди разочарованных, причем не в одиночестве – его основные помощники и вообще более половины вожаков восстания тайпинов не сумели сдать императорские экзамены³¹.

Немезида Хуна, генерал Цзэн Гофань, также происходил из скромной семьи³², был старшим из пяти братьев от отца-крестьянина. Его отец был относительно обеспеченным человеком и мог позволить себе учиться, но провалил экзамен самого нижнего уровня шестнадцать раз – шестнадцать! – прежде чем наконец-то сдать. Сам Цзэн Гофань провалил один и тот же экзамен (всего) шесть раз и справился уже в двадцать два года. В следующем году он сдал провинциальный экзамен (уровень, на котором четырежды

проваливался Хун Сюцюань). Затем, дважды провалив высший экзамен в столице, он преуспел в третьей попытке, причем с отличием. После того он оказался в Хунани, провинции на западной границе растущей империи тайпинов. Так именно ему выпало организовать и возглавить основные силы Цин, победившие тайпинов после долгой борьбы. В ходе восстания тайпинов, которое чуть не разрушило империю Цин, противоборствующие стороны возглавляли представитель авторитетной элиты и разочарованный кандидат на вступление в элиту, превратившийся в контрэлиту.

Дорога к кризису

Дональд Трамп, Авраам Линкольн и Хун Сюцюань – очень разные претенденты на вступление в элиту, живущие в очень разных мирах. Тем не менее на каком-то глубинном уровне их личные траектории имеют много общего. Все они жили (или живут) в эпоху раздора, когда социальное давление нестабильности – обнищание и перепроизводство элит – достигло пика. Все трое являются претендентами, достигшими вершин власти, хотя бы на короткое время. Все они правили, когда их страны разваливались.

Масштабы бедствий, последовавших за приходом к власти этих трех претендентов, сильно различаются. Несомненно, восстание тайпинов было самым страшным бедствием, поскольку это была, возможно, наиболее кровопролитная

гражданская война в истории человечества. Она длилась четырнадцать лет и унесла жизни множества людей – от тридцати до семидесяти миллионов человек.

Гражданская война в США (шестьсот тысяч боевых потерь) остается самым кровавым американским конфликтом на сегодняшний день. Эта схватка отняла и жизнь Авраама Линкольна, который был убит Джоном Уилксом Буттом, актером и сторонником Конфедерации.

Президентство Дональда Трампа имело самые мягкие последствия (по крайней мере, пока). Тем не менее он руководил страной в эпидемию, унесшую жизней больше, чем испанский грипп, а при нем же в адском 2020 году политические беспорядки привели к гибели двадцати пяти человек³³, десятку тысяч раненых³⁴ и более чем 2 миллиардам долларов убытков³⁵. Его президентство завершилось штурмом Капитолия, нанесящим огромный удар по американской политической системе. Конечно, мы пока не знаем, чем закончится наш собственный век раздора. История будущего еще не написана. Зато мы знаем наверняка, что двойная сила, подталкивающая Америку к гражданской войне, – обнищание масс и перепроизводство элиты – не ослабевает по сей день. Что же история может поведать нам о таких кризисных периодах?

Глава 2

Шаг назад: уроки истории

Дорожная карта

Все сложные человеческие общества, организованные в форме государств, периодически испытывают волны политической нестабильности. Наиболее распространено чередование интегративной и дезинтегративной фаз, длящееся приблизительно одно столетие. Интегративные фазы характеризуются внутренним миром, социальной стабильностью и относительным сотрудничеством элит. Дезинтегративные фазы противоположны: им свойственны социальная нестабильность, нарушение сотрудничества между элитами и постоянные вспышки политического насилия – восстания, революции и гражданские войны. Возможны, конечно, варианты; позже я расскажу о том, почему одни циклы короче, а другие длиннее, почему степень тяжести кризиса переменна. Несмотря на эту изменчивость, «пора неприятностей» наступает всегда. До сих пор не случилось ни единого исключения из этого правила. Ни в одном из обществ, которые изучала моя группа, интегративная фаза не длилась более двухсот лет³⁶.

Подробный отчет об истории и методологии клиодинамики, особенно применительно к модели, положенной в основание настоящей книги, см. в главах A1 и A2 Приложения. Суть же в том, что большая исследовательская сеть, работу которой я координировал в последнее десятилетие, позволила создать обширную базу данных по сотням исторических и современных государств, причем упор делается на способах, какими эти общества соскальзывали в политический кризис, а затем выходили из него с переменным успехом. Анализ кризисной базы данных (CrisisDB) дает все поводы утверждать, что при обилии очевидных (и не столь очевидных) различий между отдельными случаями налицо несомненные общие черты.

Наш анализ указывает на четыре структурных фактора нестабильности: обнищание масс, потенциально ведущее к массовой мобилизации; перепроизводство элит, чреватое внутренним конфликтом; ухудшение финансового состояния и ослабление легитимности государства; геополитические факторы. Важнейшими поводами выступают конкуренция внутри элит и конфликтность, надежные признаки надвигающегося кризиса. Другие факторы обычно тоже присутствуют, но они не универсальны. Например, для больших и могущественных империй геополитические факторы, как правило, имеют меньшее значение. Такие государства в целом слишком велики, чтобы на них могли повлиять какие-либо действия соседей, а социальный раскол порождает

ется внутренними силами. Если позаимствовать слова Арнольда Тойнби, великие империи умирают не от убийства, а от самоубийства³⁷.

Нужно упомянуть еще об одном осложняющем факторе. Если внимательно изучить фазы дезинтеграции, станет ясно, что отнюдь не всегда все обстоит скверно. Вообще уровень коллективного насилия имеет склонность к определенному ритму. Одно поколение ведет полномасштабную гражданскую войну, но уже следующее поколение («сыновья»), израненное этим насилием, сохраняет шаткий мир. Следующее поколение («внуки»), выросшее вне явного, непосредственного насилия, повторяет ошибки «дедов». Эта динамика определяет повторяющийся цикл насилия продолжительностью около пятидесяти лет (то есть два человеческих поколения), который сохраняется до тех пор, пока структурные условия не будут каким-то образом изменены, что приведет к следующей интегративной фазе.

Теперь давайте конкретизируем эти теоретические представления, проследив динамику социальной нестабильности и распада государства в одном конкретном регионе за длительный период времени. Я начну свой обзор циклов нестабильности в средневековой Франции, самом богатом и могущественном королевстве Западной Европы в Средневековье. Затем мы двинемся вперед во времени, прослеживая последовательные волны нестабильности во Франции и Западной Европе в целом. Я выбрал Европу потому, что мы

располагаем множеством количественных данных, которые рассказывают об обнищании масс, конфликтах внутри элиты и прочих основных факторах нестабильности. Но не заблуждайтесь: исторические силы, вызывающие кризисы, во все не европоцентричны – все сложные общества уязвимы перед ними.

Кризис во Франции эпохи позднего Средневековья

Тринадцатое столетие было золотым веком средневековой Франции. Территория, принадлежащая французской короне, фактически утроилась за это столетие, и к 1300 году Франция стала господствовать в Западной Европе в военном, политическом и культурном отношении. Население Франции составляло более двадцати миллионов человек – каждый третий житель Западной Европы хранил верность французскому королю. Город Париж с его 230 000 жителей был, безусловно, самым крупным и роскошным городом латинского христианского мира. Средневековая Франция являлась не только самым могущественным королевством Западной Европы, но и культурным центром известного мира. Готический стиль в архитектуре, известный современникам как французский стиль, сложился в Иль-де-Франс и распространился оттуда в Англию, Германию, Испанию и Северную Италию. В тринадцатом столетии Парижский университет

сделался ядром обучения и философии в Европе, привлекал лучших мыслителей того времени. Французский язык стал важнейшим международным языком Европы, на котором говорила знать Англии, Фландрии, Венгрии, а также Неаполитанского и Сицилийского королевств³⁸

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.